
ВВЕДЕНИЕ

Наследие Чингис-хана и его потомков уже в течение веков привлекает интерес исследователей, и со временем количество исследований по этой тематике лишь возрастает. Не последнее место среди них занимают и работы, затрагивающие правовые аспекты истории Монгольской империи, а порой – и непосредственно посвящённые им.

Первые исследования чингизидского права появились уже в начале XVIII в., когда французский историк Ж. Пети де ла Круа впервые привёл и прокомментировал в своём исследовании о Чингис-хане фрагменты Великой Ясы (1710 г.). В дальнейшем работа по исследованию права чингизидских государств велась по двум направлениям: 1) опубликование и изучение источников чингизидского права; 2) исследование отдельных политико-правовых аспектов на основе юридических и иных источников.

В рамках первого направления следует упомянуть работы исследователей XIX–XX вв., занимавшихся тюрко-монгольским и пост-имперским законодательством. В первую очередь это работы о Ясе Чингис-хана (В. А. Рязановский, Г. В. Вернадский, Д. Айалон, Д. Морган, Д. Эгль, Н. Ням-Осор, Ц. Минжин и др.). Публикацией и изучением ханских ярлыков также занимались многие учёные из разных стран (Й. Хаммер-Пургшталь, В. В. Григорьев, И. Н. Березин, В. В. Радлов, М. Д. Приселков, А. Н. Самойлович, А. П. Григорьев, М. А. Усманов, Д. Тумуртоого, Б. Баярсайхан и др.). Значительное внимание уделялось публикации и изучению сводов тюркского и монгольского права (К. Ф. Голстунский, Ф. И. Леонтович, Ф. В. Кливз, Н. Усеров, С. Жалан-Ажав, Ш. Нацагдорж, А. Мостэр, Г. Серруйс, С. Д. Дыльков, Х. Перлээ, А. Д. Насилов, К. Загастер, Ц. П. Ванчикова, Б. Баярсайхан, Р. Ю. Почекаев).

Кроме того, открыты, исследованы и переведены на русский и европейские языки сочинения по истории тюрко-монгольских государств, содержащие информацию о правовых воззрениях

в чингизидском обществе, законодательной политике монархов Поволжья, Крыма, Ирана, Средней Азии и особенностях правоприменения. К ним можно отнести работы Джувейни, Рашид ад-Дина, Вассафа, Хафиз-и Абри, Мирхонда и Хондемира, Ибн Рузбихана, Хафиз-и Таныша Бухари, Э. Челеби, Муниса и Агахи и др. «Взгляд со стороны» отражают сведения современных им иностранцев, побывавших в тюркских и монгольских государствах ников – китайцев: Чжао Хуна, Пэн Да-я и Сюй Тина, европейцев: Иоанна де Плано Карпини, Бенедикта Поляка, Вильгельма де Рубрука, Марко Поло, И. Барбаро и А. Контарини, А. Дженкинсона, Д. Лукки и Э. д'Асколли, Ф. Беневени, И. Г. Андреева, Д. Н. Логофета и мн. др. Большое значение для реконструкции правовых актов и освещения правоприменения имеют актовые материалы – послания и иные официальные документы тюрко-монгольских правителей: на сегодняшний день опубликованы документы по связям России и ряда других государств с Казанским, Сибирским, Крымским ханствами, Ногайской Ордой, монгольскими государствами и др.

Второе направление представлено обзорными работами по истории тюркского и монгольского права (Я. И. Гурлянд, Ц. Жамцарано, В. А. Рязановский, Г. К. Гинс, С. М. Арсал, Ц. П. Ванчикова, и др.). Также немало работ посвящено проблемам легитимации власти в связи с происхождением от Чингис-хана (Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов, Т. Д. Скрынникова, А. фон Кюгельген, Т. К. Бесембиев, Б. М. Бабаджанов, О. А. Соловьева и др.). Большое внимание (особенно в советский период) уделялось регулированию с помощью ханского права отношений в административной, налоговой, земельной сферах (А. А. Семёнов, Е. А. Давидович, О. Д. Чехович, А. Егани и др.). Особое место занимали труды, в которых специально исследовалась роль государственной религии (ислама или буддизма) и духовенства в политико-правовой жизни того или иного чингизидского или постчингизидского государства (Б. Ахмедов, Б. Казаков, А. Болдырев, Ш. Бира, А. Алексеев, Д. Арапов и др.). Наконец, ряд исследователей обращались и к исследованию отдельных аспектов права в чингизидских государствах или отдельных исторических этапов их правового развития (Б. Берч, Д. Хойшерт-Лааге, М. Хагихара, Б. Далижабу и др.).

Впрочем, собственно фундаментальные историко-правовые исследования по вопросам тюрко-монгольского права довольно немногочисленны – среди них можно назвать, в частности, монографию С. Л. Фукса и ряд исследований С. З. Зиманова о государственности и праве казахов, работу Ю. Ф. Лунева по государству и праву среднеазиатских ханств XVI–XIX вв., исследование Б. Ба-

ярсайхана по истории государства и права Монголии, две книги Р. Ю. Почекаева о праве Золотой Орды.

В результате на сегодняшний день опубликованы, переведены на современный монгольский, русский и западноевропейские языки значительное число ханских ярлыков Монгольской империи, Золотой Орды, империи Юань, Крымского, Казанского, Сибирского, Бухарского, Хивинского, Кокандского ханств, своды законов Казахского и монгольских ханств (собственно Монголии, внутренней Монголии, Джунгарского и Калмыцкого ханств), доступно большое число нарративных источников, данных археологии, нумизматики и других специальных дисциплин, также содержащих сведения о «чингизовом праве»¹.

Казалось бы, стоит ли посвящать этой теме ещё одну книгу? Думается, да, поскольку на сегодняшний день, при всём обилии работ, касающихся права чингизидских и постчингизидских государств, нет какой-либо обобщающей работы, в которой именно с историко-правовой точки зрения характеризовались бы источники «чингизова права», прослеживалась бы эволюция его отдельных институтов, освещалась бы судьба правового наследия Монгольской империи в более поздних тюрко-монгольских государствах.

В рамках данного исследования предпринимается попытка систематизации и одновременно пересмотра ряда утвердившихся в науке мнений (в частности – о Великой Ясе как о некоей кодификации, составленной в эпоху Чингис-хана, о ханских высказываниях-биликах – как о части писанного законодательства и пр.). Впервые предпринимается попытка комплексного представления чингизидского права как регулятора различных сфер правоотношений – как в публичной, так и в частной сферах. Автор стремится показать, что право, созданное Чингис-ханом и его преемниками, правителями Монгольской империи и государств, образовавшихся после её распада, являлось общим, не может считаться исключительным достоянием какого-либо одного государства или этноса – напротив, целью создания «чингизова права» было объединение различных народов в рамках единой системы политико-правовых отношений. Таким образом, оно преследовало цель не возвеличивания какого-либо одного народа, а именно интеграцию многочисленных народов (и даже рас), входивших в государства Чингис-хана и его потомков.

¹ Сам термин позаимствован нами из статьи Т. К. Бейсембиева (*Бейсембиев Т. К.* Чингизово право на Востоке и политико-правовые учения в соседних регионах (на примере сарматизма в Речи Посполитой XVI–XVIII вв.) // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. – 1991. – № 4. – С. 26–32.

В силу этого оно постоянно адаптировалось к изменяющимся социально-политическим, экономическим, культурным, религиозным и международным ситуациям, что и позволило этой правовой системе в той или иной степени просуществовать вплоть до нач. XX в. Поэтому данное право являлось общим наследием и тюркских, и монгольских, и ряда других народов и государств, в частности, как будет показано в данной работе, элементы «чингизова права» действовали и в Иране, и в государствах Кавказа, хотя их правители не только не претендовали на чингизидское наследие, но порой прямо противопоставляли себя ему.

Ещё одной категорией, в отношении которой нет чёткого представления, что, соответственно, также даёт почву для разного рода спекуляций, является «чингизизм».

Ввёл его в широкий научный оборот известный советский казахстанский востоковед В. П. Юдин, анализируя особенности политогенеза средневековых тюрко-монгольских государств, в частности – Золотой Орды. В рамках своей концепции он определяет «чингизизм» как «новый комплекс мировоззренческих и идеологических представлений», а в более узком смысле – как обозначение «новой веры»¹. Предложенный им термин представляется весьма удачным для характеристики особенностей политического развития этих народов, однако позволим себе не согласиться с определением его как религии: анализ последующего политогенеза тюрко-монгольских народов Евразии показывает, что «чингизизм» был политико-правовой, но никак не религиозной концепцией.

Прежде всего, нельзя согласиться с утверждением В. П. Юдина, что Чингис-хан признавался божеством в государствах его потомков². Вопрос о поклонении духу Чингис-хана неоднократно рассматривался исследователями, пришедшими к обоснованному выводу, что он воспринимался не как божество, а именно как великий предок, основатель династии и великого государства. Соответственно, последующие поколения тюрко-монгольских ханов использовали в качестве базового фактора легитимности своей власти родовую харизму, первым обладателем которой считался именно Чингис-хан. Одни исследователи для обозначения этого явления используют термин «покровительство не-

¹ Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. – Алма-Ата, 1992. – С. 16.

² Там же. – С. 17.

бесного пламени»¹, другие – собственно «харизма»². Подобный фактор легитимации был распространён в большинстве стран Европы и Азии, где наследственные правители признавались «божьими помазанниками», но ни в коей мере не божествами. Думается, аналогичная ситуация складывалась и в отношении рода Чингизидов и его основателя.

Следует также вспомнить, что официальной религией в государстве Чингис-хана и его первых преемников являлся тенгризм – вера в единого Бога, воплощением которого считалось Вечное Синее Небо (Тенгри). Об этой вере как официальной государственной религии Монгольской империи сообщают и европейские дипломаты, побывавшие у монголов в середине XIII в.³ Можно ли в таком случае отождествить чингизизм и тенгризм? Анализ религиозной ситуации в чингизидских государствах XIII–XIV вв. не позволяет это сделать. Установленная «сверху» официальная религия так и не прижилась ни в империи Чингис-хана, ни в государствах, сменивших её – в отличие от политических основ, созданных тем же Чингис-ханом. Так, во времена Чингис-хана и его ближайших преемников монголы, формально признав тенгризм, продолжали исповедовать свои прежние шаманистские культы, что нашло отражение, в частности, в их погребальных обрядах⁴. В империи Юань тенгризм сосуществовал с буддизмом, которому покровительствовали и многие императоры-Чингизиды, придерживавшиеся политической системы, созданной их родоначальником⁵. Аналогичную картину мы наблюдаем и в Золотой Орде, где тенгризм постепенно был вытеснен исламом уже в 1-й пол. XIV в., однако имперские принципы организации власти сохранялись вплоть до конца XV в.

Соответственно, не вполне корректным представляется мнение о том, что принятие какой-либо мировой религии (в част-

¹ Григорьев А. П. Эволюция формы адресанта в золотоордынских ярлыках XIII–XV вв. // Востокovedение. – 1977. – Вып. 3. – С. 133–135.

² Скрынникова Т. Д. Представления о харизме и культ Чингисхана у монголов // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. – 1995. – Вып. XV. – С. 143.

³ Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // пер. А. И. Малеина, вступит. ст., комм. М. Б. Горнунга. – М., 1997. – С. 169.

⁴ См.: Рыкин П. О. Концепция смерти и погребальная обрядность у средневековых монголов (по данным письменных источников) // От бытия к небытию: фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки. – СПб., 2010. – С. 240–242.

⁵ Bira Sh. The Mongolian Ideology of Tenggerism and Khubilai Khan // Түүхвэр зохиолууд. Collection of Selected Papers. – Улаанбаатар, 2007. – Т. 118–131.